

— Да зачем ты орёшь об этом на всю округу?!

— Ты Мазь для Удаления Шрамов не нанёс, и все это видят. Какая разница, скажу я вслух или нет?

— Да нанёс я! Твоё снадобье просто бесполезно!

— Вздор. Наверняка забыл, а теперь отговариваешься.

Сухой, притворный кашель прервал их спор.

Лу Юй и Лоу Цинъянь осеклись и разом повернули головы.

Второй боевой дядя сидел с каменным лицом, однако его брови сошлись на переносице в крайне озадаченной гримасе.

Оба мгновенно протрезвели и чинно выпрямились, точь-в-точь как в детстве, когда старый учитель ловил их на горячем при попытке протащить через стену краденую жареную курицу.

Лу Юй заговорил первым, мгновенно напустив на себя благообразный вид достойного мужа:

— Прошу простить за неподобающее поведение. Глава ордена, должно быть, находит это забавным.

«Ишь, праведника из себя строит...» — мысленно фыркнул Лоу Цинъянь, косясь на него.

Голос Второго боевого дяди заметно дрожал:

— Ваше Величество... Вы и Цинъянь... Как же это?..

Щёки Лу Юя слегка порозовели, но он сохранил невозмутимость:

— Он слишком много значит для меня. Ему не место в ордене Сюаньюань.

В зимней долине не пели птицы. Над Террасой Созерцания Солнца повисла глухая, гнетущая тишина.

Сердца обоих ушли в пятки. Как отреагирует Второй боевой дядя? Как он отнесётся к их связи?

Грохнуло.

Настоятель с силой ударил ладонью по столу и вскочил на ноги.

Лу Юй и Лоу Цинъянь опешили — они никак не ожидали от мягкого старика такой ярости.

Лу Юй попытался сгладить углы:

— Глава ордена, это дело...

— Замолчите! — взревел Второй боевой дядя.

Оторопел не только император, но и сам Лоу Цинъянь.

По изначальному сюжету Второй боевой дядя всегда оставался человеком мягким, покладистым и до щепетильности преданным этикету. Представить, чтобы он кричал на самого Сына Неба, было решительно невозможно.

Однако настоятель и не думал останавливаться.

Ткнув пальцем прямо в лицо Лу Юю и напрочь позабыв о придворных приличиях, он сорвался на крик:

— Пусть вы и император, но старик всё равно скажет! Как у вас только сердце повернулось совершить подобное бесчинство?! Мало того что попрали все законы морали, возжелав собственного старшего брата по ордену, так ещё и коварно лишили его всего, разрушили его будущее, лишь бы запереть во дворце как безвольного наложника! Цинъянь — чудесный, чистый ребёнок с великой судьбой... А вы!.. А ну пошли вон отсюда! Оба!

Лоу Цинъянь и Лу Юй стояли как громом поражённые.

Когда рассерженный старик выставил императора за дверь, Лоу Цинъянь в суматохе и полной растерянности послушно последовал за ним.

Они брели по узкой тропинке, спускающейся с пика Нефритовой Ясности, чувствуя себя так, словно их обухом по голове ударили.

— Поверить не могу... Уж не солнце ли на западе взошло? — пробормотал совершенно потерянный Лу Юй. — Наш законопослушный настоятель... чтобы так...

— Похоже, он всё понял слишком превратно, — Лоу Цинъянь закрыл лицо ладонями. —

Собираешься объясняться?

Лу Юй оглянулся на вершину Пика Нефритовой Ясности с таким выражением, будто там, среди черепичных крыш, пировала стая голодных демонов.

— Нет... лучше не надо.

Пусть Лу Юй и носил корону, для покойного главы ордена и Второго боевого дяди он всегда оставался ребёнком. Обделённый родительским теплом в дворцовых стенах, здесь, на горе Сюаньюань, он обрёл в этих старцах настоящих отцов. И сейчас от его императорского величия не осталось и следа — он вновь превратился в робкого мальчишку, с трепетом выслушивающего родительский выговор.

Держался бы настоятель в рамках придворного этикета, Лу Юй нашёл бы что ответить, призвав на помощь авторитет монарха. Но эта слепая, нерассуждающая готовность защитить своего воспитанника лишила императора всякого мужества.

Они переглянулись в полном молчании.

Второй боевой дядя действительно выстроил в голове совершенно дикую картину.

В действительности это Лоу Цинъянь совершил предательство, а Лу Юй, лишив его власти, попросту не смог заставить себя казнить названного брата, поддавшись глухому милосердию.

Настоятель же решил, будто император давно жаждал заполучить старшего ученика и коварно подстроил его падение ради удовлетворения своих низменных страстей.

Вдруг снизу донёсся звонкий, чистый голос:

— Брат Цинъянь! Брат Лу Юй!.. Ой, то есть, Ваше Величество!

Они обернулись. По тропе им навстречу поднимался юноша в белоснежных одеждах.

— Сяо Юнь!

Это был Ван Юнь — младший и самый любимый ученик Второго боевого дяди.

Покойный глава ордена и нынешний настоятель были не разлей вода, поэтому и их воспитанники росли вместе. Сяо Юнь, как и Лоу Цинъянь, с малых лет не покидал горы Сюаньюань и о мирских порядках имел весьма смутное представление. Он помнил лишь то, что брат Лу Юй ушёл в большой мир и стал императором, перед которым положено склоняться, но

все эти тонкости этикета в его голове укладывались с трудом.

Подбежав к ним, Ван Юнь наспех отвесил небрежный поклон и тут же засыпал их вопросами:

— Сколько лет, сколько зим! Старейшины говорили, что вы прибудете сегодня, но я и не думал встретить вас прямо на тропе.

Он бросил взгляд на вершину пика:

— О? Вы уже у главы ордена побывали? Так быстро?

— Кхм, — Лу Юй неловко потёр переносицу, — у нас возникли некоторые... разногласия с главой ордена.

Ван Юнь понимающе, хотя и не слишком уверенно, кивнул, а потом спохватился и вдруг крепко сжал руку Лу Юя:

— Вот и славно! Брат Лу Юй... Ваше Величество, есть одно место, где вас давно ждут. Самое время навестить его.

— Какое место?

— Могила Предыдущего главы ордена.

Пик Дождевых Цветов. Сад Умиротворения

Лоу Цинъянь взглянул на застывшего у надгробия Лу Юя, негромко вздохнул и увлёк Ван Юня за собой в сторону.

— Оставь его. Пусть побудет один.

Лицо Сяо Юня посмурилось. Он сочувственно вздохнул и послушно пошёл за старшим братом.

Лоу Цинъянь вдруг замер и негромко бросил в пустоту:

— Вам тоже лучше уйти. Позвольте государю остаться наедине с мыслями.

Спустя мгновение стебли бамбука в стороне едва заметно качнулись, прошелестев листьями.

Ван Юнь удивлённо захлопал глазами:

— Брат, ты с кем сейчас говорил?

— С тайной стражей, — ответил Лоу Цинъянь. — Времена изменились, Сяо Юнь. Императора вечно окружает толпа. Ему даже поклониться покойному учителю спокойно не дают — повсюду чужие глаза.

Младший ученик молча кивнул, погрузившись в думы.

Когда старый учитель уходил в мир иной, Лоу Цинъянь всё ещё жил на горе и успел проводить его в последний путь. Лу Юй же к тому моменту уже получил удел и покинул орден. На престол тогда взойшёл его старший брат, и Лу Юю, дабы не навлечь на себя подозрений в заговоре и дружбе с могущественными заклинателями Сюаньюань, пришлось остаться в своих землях. Он так и не смог проститься с наставником.

Лоу Цинъянь прекрасно помнил оригинальный сюжет книги: там Лу Юй, поднявшись на гору, горько рыдал у этой могилы. Его терзала вина за то, что он пропустил кончину учителя, и разрывало отчаянное решение — казнить Лоу Цинъяня.

В романе это была сильнейшая, ключевая сцена.

Каково Лу Юю сейчас, Лоу Цинъянь мог угадать без труда.

Он тихо вздохнул. Изменив ход сюжета, он спас собственную жизнь, но облегчил ли он участь Лу Юя?

«Возможно, если идти дальше, я смогу переписать и его судьбу...»

Лоу Цинъянь опустил взгляд на свои ладони.

В мыслях всплыли два финала, предложенные Системой, и он поспешно тряхнул головой, отгоняя наваждение.

«Хватит с меня. Пора поберечь собственные нервы».

Он повернулся к Ван Юню:

— Бог весть, сколько император там простоят. Пойдём лучше раздобудем вина.

— Вина? — изумился тот. — Но брат Лоу, разве ты не бросил пить сразу после того, как Лу Юй ушёл в мир?

— А? Правда? — Лоу Цинъянь озадаченно моргнул.

В оригинальном тексте романа об увлечениях его персонажа не упоминалось ни слова, так что о подобных привычках прежнего владельца тела он понятия не имел.

Сяо Юнь почесал затылок:

— Ну да. Мы тогда знатно удивились. Ты ведь раньше умудрялся таскать вино при любом удобном случае, а тут вдруг в один миг завязал. Мы давай расспрашивать, а ты лишь отмалчивался с загадочным видом.

Лоу Цинъянь нахмурился и невольно коснулся шеи сзади, там, где под кожей скрывалось клеймо тайного клинка.

Ему вспомнилось упоминание о «забытых черновиках автора».

— Ладно, пустяки это, быльём поросло. Так ты со мной или как? — отмахнулся он.

Ван Юнь расспрашивать не стал — они слишком долго не виделись, грех не посидеть за кубком и не вспомнить былое.

Лоу Цинъянь вновь повысил голос, обращаясь к невидимым соглядатаям:

— Эй, стража! Кто там дежурит, Шисань? Мы с братом за вином собрались. Хотите — идите следом, мешать не станем!

Будучи пленником, Лоу Цинъянь прекрасно понимал, что находится под неусыпным надзором, и не питал пустых иллюзий на этот счёт.

Через пару вдохов из густых бамбуковых зарослей донёсся приглушённый, слегка недовольный мужской голос:

— Я Шии.

Ван Юнь и Лоу Цинъянь покатались со смеху.

Надгробие учителя содержали в безупречной чистоте, бережно протирая каждый день.

Несмотря на это, Лу Юй скинул дорогую верхнюю мантию и принялся сам заботливо обтирать холодный камень, будто пытаясь смахнуть с него даже невидимые пылинки.

Прежний глава ордена принял обоих учеников, когда уже миновал свой шестидесятилетний рубеж. Ходили слухи, что много лет назад у него был первый, самый старший воспитанник, который спустился с горы ради ратной службы и погиб в бою. С тех пор погружённый в скорбь старик зарёкся брать учеников.

Лишь когда на гору доставили Лоу Цинъяня с его редчайшей судьбой Небесного Чертога, наставник смягчился и согласился продолжить преемственность своей школы. А позже Лоу Цинъянь, побывав на одном из роскошных дворцовых пиршеств, привёз учителю и младшего ученика.

Лу Юй вырос в удушающих стенах императорского дворца. В его жилах текла благородная кровь Сынов Неба, но обращались с ним хуже, чем с сорной травой.

В шестнадцать лет он стоял на коленях перед драконьим ложем умирающего государя. Потерянный среди бесчисленных мачех, наложниц и жестоких братьев, юноша решился украдкой поднять взгляд и посмотреть на угасающего правителя.

Тогда он видел своего родного отца лишь в четвёртый раз в жизни.

Зато до пятнадцати лет Лу Юй каждый день по четыре часа смирно сидел у ног главы ордена Сюаньюань, внимая его поучениям.

— Знаю, Предыдущий глава ордена... Вы всем сердцем дорожили старшим братом. Не попроси он за меня тогда, вы бы и не взглянули в мою сторону, — негромко заговорил Лу Юй, продолжая бережно обглаживать камень. — Но мне и этого довольно. Вы казались суровым и неразговорчивым, но душа ваша была полна сострадания. Спасибо, что подарили мне настоящую семью.

Безмолвный камень не шелохнулся в ответ.

Лу Юй тяжело вздохнул:

— Мой долг пред вами и пред орденом Сюаньюань неоплатен.

Он медленно поднялся с колен.

— Когда я принял решение погубить старшего брата, то полагал, что этот визит на гору —

последний. Я шёл, чтобы держать ответ пред вашей памятью. Теперь я передумал... Но, кажется, эта дорога всё равно приведёт меня к концу. Учитель, я оступился. Очищающие сердце заклинания и сутры, что я читал с детства, бессильны — мне не одолеть собственных демонов. Прокляните меня, если хотите, ведь это я превратил вашего любимого преемника в безвольного узника.

Лу Юй на мгновение замолчал, его взгляд сделался пугающе твёрдым.

— Я знаю свой грех, но каяться не желаю.

— Стоит нам спуститься с горы, и я открою ему всё, что таится в моей душе. Отныне он не будет мне братом.

— А все долги и вину... Я искуплю в следующей жизни. Позвольте мне родиться простым булыжником у подножия горы Сюаньюань, чтобы медленно возвращать вам этот долг веками.

— Лоу Цинъюань! Ты опять сбиваешь Сяо Юня с пути истинного?! С его техникой закалки пить категорически запрещено!

Второй боевой дядя возник словно из-под земли и теперь держал несчастного Ван Юня за шиворот. Тот безвольно повис в воздухе с видом полнейшей обречённости.

Лоу Цинъюань хлопнул себя ладонью по лбу.

Настоятель так покраснел от гнева, что его щёки сделались пунцовыми:

— Погляди на себя! Всё точно так же, как в былые годы! Сяо Юню и Лу Юю едва по несколько вёсен исполнилось, а ты уже поил их тайком! Прошло столько лет, а ты ни капли не изменился! Горбатого могила исправит!

Лоу Цинъюань смущённо качнул носком сапога, задвигая винный кувшин подальше в траву.

Ещё до того, как переродиться в теле злодея, он знатно прикладывался к бутылке и славился весёлым хмельным нравом. Перенесясь в этот мир, его мятежная душа то и дело требовала привычного лекарства, но во время долгого лечения на Озере Осенней Луны за его рационом следили строже, чем за монастырским уставом.

Второй боевой дядя наконец разжал пальцы. Предатель Сяо Юнь тут же припустил наутёк, оставив Лоу Цинъюаня отдуваться в одиночку.

Старик продолжал негодуяюще пыхтеть:

— Срамота! Во дворце клятвенно уверяли, что ты тяжело болен. Позволь спросить, какой такой лекарь прописывает больным воровать вино кувшинами?!

— Ваша правда, Второй боевой дядя. Каюсь, бес попутал, — Лоу Цинъянь нацепил самую невинную и кроткую улыбку, на какую был способен.

— И ухмылка всё та же! Ну точь-в-точь как тогда!

Настоятель пошумел ещё немного, но, видимо, эти упрёки разбередили в его душе слишком много тёплых воспоминаний. Он шумно выдохнул, и его сердитое лицо заметно разгладилось.

Лоу Цинъянь тем временем озадаченно размышлял:

«В романе подобных бытовых мелочей отродясь не описывали. Как же мне удаётся так точно попадать в повадки прежнего хозяина тела?»

Второй боевой дядя внезапно ухватил его за рукав, опасливо огляделся по сторонам и придвинулся к самому уху.

Лоу Цинъянь удивлённо приподнял бровь:

—?

Убедившись, что поблизости никого нет, настоятель зашептал:

— Днём-то... старик погорячился, наговорил императору дерзостей. Он... сильно разгневался?

Лоу Цинъянь негромко хмыкнул:

— Вовсе нет. Наш государь дорожит воспоминаниями о детстве, так что зла не держит. Вот только всё обстоит совсем не так, как вы помыслили...

Старик тяжело вздохнул и досадливо махнул рукой, прерывая его:

— Эх, а что мне оставалось? Пришлось прикинуться дураком и выдать всю эту тираду нарочно.

— Нарочно? Но для чего?

Лицо настоятеля мгновенно посуровело. Он окинул Лоу Цинъяня долгим, оценивающим взглядом с ног до головы.

Под этим пристальным прищуром Лоу Цинъяню стало не по себе:

— Что-то не так?

— Сейчас Лу Юй всем сердцем привязан к ордену Сюаньюань, — тихо заговорил Второй боевой дядя, нахмурившись. — Но это лишь потому, что он молод и совсем недавно взошёл на престол. Пройдёт время, и былая тоска по дому сменится холодным расчётом. Наш орден станет для него не обителью детства, а угрозой. Он начнёт нас бояться.

Лоу Цинъянь молча кивнул. Ему ли не знать законов власти:

— Я понимаю. Почти все правители вышли из стен Сюаньюань, и почти каждый из них со временем начинал видеть в ордене соперника.

— Вот именно. Потому мы и держимся в стороне от престола, не лезем в дела двора и не вмешиваемся в мирскую суету, — кивнул настоятель. — Вся эта слава ордена — лишь блестящая ширма, под которой мы каждый день ступаем по тонкому льду. Орден не сможет вечно служить тебе щитом и опорой.

— Опорой? — Лоу Цинъянь окончательно запутался.

Настоятель украдкой утёр набежавшую слезу:

— Кто знает, долго ли продлится эта слепая страсть Лу Юя? У любого мужчины во дворце полно жён и наложниц. Детей ты ему подарить не сможешь, за твоей спиной нет влиятельного клана, и если однажды ты потеряешь его милость...

— Стойте, стойте! Погодите! — взмолился Лоу Цинъянь, чувствуя, как у него начинается дёргаться глаз.

Но Второй боевой дядя лишь с сочувствием похлопал его по ладони:

— Я и помыслить не мог, что император возжелает тебя. Препятствовать государю мы не в силах, да и ты, спустившись с горы, формально перестал быть учеником ордена — мы не сможем защитить тебя силой оружия. Но моё сердце кровью обливается, когда я думаю о твоей доле. Потому я и разыграл эту сцену. Пусть император считает, будто его греховная страсть сгубила твою жизнь. Чувство вины перед орденом свяжет ему руки, и тогда он хотя бы побоится тебя обидеть.

Лоу Цинъянь окончательно лишился дара речи.

В этот момент он почувствовал себя невольницей, которую силой выдают замуж за деспотичного вельможу, пока сердобольные родственники со слезами на глазах укладывают ей приданое.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/19817/2007563>